

ГЛУШКОВСКИЙ П. Ф. В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб.: Алетейя, 2013. 232 с.

Монография П. Глушковского посвящена эволюции идентичности и политических воззрений Фаддея (Тадеуша) Булгарина (1789—1859), ведущего русскоязычного писателя и журналиста второй четверти XIX в. Избранная автором проблематика, безусловна, интересна белорусскому читателю. Личность Ф. Булгарина — продукт той эпохи, когда миллионы жителей Речи Посполитой стали подданными Российской империи и искали свое место в новой системе координат. Рецензируемая работа интересна как самой постановкой проблемы, так и личностью ее автора — молодого польского историка, пытающегося найти новые подходы к освещению жизни и деятельности своего героя. Фигура Ф. Булгарина — выпускника российского кадетского корпуса, награжденного орденом Св. Анны за храбрость на российской военной службе, затем участника наполеоновских военных кампаний, награжденного орденом Почетного легиона, активно писавшего как на польском, так и на русском языках, — неоднократно привлекала внимание российских и польских исследователей. На рубеже XX—XXI вв. произошел всплеск интереса к этой личности среди российских авторов, которые даже ввели в оборот понятие «булгариноведение». Тем более весомым представляется появление работы польского исследователя, голос которого позволяет восстановить незримый русско-польский диалог, касающийся не только редактора «Северной пчелы», но и проблем идентичности, способов интеграции уроженцев Речи Посполитой в российское общество.

Работа польского историка не является переводным изданием. Редактор монографии,

профессор Л. Е. Горизонтов, раскрывает в предисловии секрет дебюта книги в русскоязычной версии: именно в России, в стенах Российского государственного гуманитарного университета, в мае 2012 г. Петр Глушковский защитил кандидатскую диссертацию. Заметим, что поэтому было бы интересно узнать мнение польского исследователя о причинах появления феномена «булгариноведения» в российской историографии, выяснить целый ряд аспектов варшавского и виленского периодов жизнедеятельности Ф. Булгарина, малоизученных российскими коллегами. Однако на страницах монографии перечисленные вопросы не освещены или затронуты незначительно. Тем не менее не будем судить об издании по тому, чего в нем нет, и обратимся к содержанию работы.

Монография традиционно включает «Введение», три главы («Эволюция идентичности Ф. В. Булгарина», «Польские аспекты культурной и политической деятельности Ф. В. Булгарина в Российской империи», «Восприятие Ф. В. Булгарина поляками и русскими») и «Заключение». Во введении представлен серьезный обзор историографии и источников по рассматриваемой проблематике. В первой главе автор анализирует эволюцию воззрений Булгарина в период службы в российской и французской армиях (1798—1814 гг.), его попытки реализоваться в качестве польского (1814—1830 гг.) и российского литератора (1830—1850-е гг.). Предложенная периодизация представляется весьма спорной. На наш взгляд, необоснованно расширены хронологические рамки параграфа «Ф. В. Булгарин как польский литератор (1814—1830 гг.)». Включив 1820-е гг. в поль-

ский период деятельности Фаддея Венедиктовича, автор противоречит содержанию собственной монографии. В тексте справедливо отмечается: «1820-е гг. — полоса успехов в литературно-издательской деятельности Булгарина. Начав простым сотрудником Н. И. Греча в «Сыне Отечества», уже через два года он сам издавал «Северный архив» — журнал, посвященный истории и статистике, читательскую аудиторию которого составляло большинство тогдашней элиты. Одновременно он занимался подготовкой литературных приложений к журналам, которые также продавались весьма успешно. Благодаря «Северной пчеле», начавшей выходить в 1825 г., его популярность вышла далеко за пределы узкого круга интеллектуалов и сделалась общероссийской» (с. 62–63). Даже если П. Глушковский во главу угла ставит не язык, на котором писал его герой, место издания журналов, не публику, наконец, у которой он имел успех, а установленную автором идентичность — это не вносит целесообразности в предложенную периодизацию. На наш взгляд, 1830 г. стал поворотным в оценке Булгарина польским обществом, а не в трансформации его идентичности.

П. Глушковский утверждает: несмотря на то что для многих поляков после восстания имперская и польская идентичность стали взаимоисключающими, «Булгарин подобной метаморфозы не испытывал» (с. 70). Мы полностью разделяем это мнение. В тексте монографии исследователь приводит многочисленные примеры помощи Булгарина уроженцам Речи Посполитой, его интереса к польской тематике в литературной деятельности в 1830–50-е гг. Наконец, в отличие от О. Сеньковского, с которым Булгарина часто сравнивают, последний «говорил и писал на польском практически ежедневно до конца жизни» (с. 71). Другой вопрос, что Булгарин отказался от веры в идею возрождения независимости Речи Посполитой, за которую храбро сражался в 1810-е гг., считал, что у поляков нет шансов в борьбе против империи, стремился к расширению возможностей Польши и поляков в составе России. Когда произошел названный поворот в сознании

Булгарина, мы не знаем. П. Глушковский также не дает ясного ответа на этот вопрос. На страницах книги он рассуждает о том, что, возможно, утрата его героем надежд на независимость родины связана с опытом войны 1812 г. (с. 65). Во второй половине 1810-х гг. Булгарин осознал необходимость дальнейшего развития Польши в рамках империи (с. 91). В свете вышесказанного авторская периодизация не выглядит логичной.

Сложно согласиться с названием третьего параграфа первой главы «Ф. В. Булгарин — как российский публицист (1830–50-е гг.)». Кроме спорности выбора 1830 г. в качестве рубежной даты вызывает сомнение формулировка «публицист». Во второй четверти XIX в. Булгарин раскрывается как литератор весьма многоплановый: по успеху у публики роман «Иван Выжигин» конкурировал лишь с «Бахчисарайским фонтаном» А. С. Пушкина, оставив далеко позади творческие усилия других современников. В 1830-е гг. также были опубликованы исторические романы «Дмитрий Самозванец» и «Мазепа». Булгарин зарекомендовал себя в качестве яркого мемуариста и автора фантастических очерков. В частности, в «Правдоподобных небывицах, или Странствовании по свету в двадцать девятом веке» он предсказал появление парашюта, воздушных десантников, подводных лодок, пассажирского авиасообщения, зенитных ракет, домов из стекла, множительной техники и др. По Булгарину, основным языком международного общения в XXIX в. будет арабский, а в моде — экологически чистые продукты и материалы [2]. Перед нами полет фантазии на уровне произведений Ж. Верна. Даже если публицистическая деятельность Булгарина стала для П. Глушковского основной в русле раскрытия поставленных задач, на наш взгляд, автору стоило хотя бы сжато очертить широту литературного таланта своего героя. В первую очередь для тех читателей, которые познакомятся с личностью Фаддея Венедиктовича впервые.

Во второй главе монографии раскрываются следующие аспекты: Булгарин как популяризатор и пропагандист польской куль-

туры в России; Речь Посполитая и поляки в литературных и публицистических текстах Булгарина; и, наконец, польский вопрос в сотрудничестве Булгарина с III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. П. Глушковский приходит к выводу, что Польша оставалась одной из главных тем творчества Булгарина и его разноплановой деятельности вплоть до последних месяцев жизни. Много сил он посвятил распространению информации о польской литературе, культуре и истории. В целом его деятельность была нацелена на всемерное укрепление русско-польских связей (с. 151). В главе приведены примеры неустанной борьбы Булгарина с негативными представлениями русских о поляках, которые становятся господствующими в русском обществе после 1830 г.

В третьей главе раскрывается отношение к Булгарину поляков (параграф первый) и мнение о нем русских современников (параграф второй), оказавшее влияние на формирование стереотипа поляка в российском обществе. Содержание обоих параграфов вызывает большой интерес и заслуживает пристального внимания всех, интересующихся историей российско-польских взаимоотношений. Вместе с тем, опираясь на собственные признания Булгарина, П. Глушковский пишет о литвинской идентичности своего героя. Поэтому было бы логично дополнить третью главу параграфом об отношении к Булгарину литвинов. Отметим, что разницы между литвинами и выходцами из коронной Польши жители российской метрополии, как правило, не ощущали. Не удивительно, что часто не ощущали ее и российские исследователи, упрощая, таким образом, историческую картину первой половины XIX в. Монография Глушковского лишена подобного недостатка. Основываясь в значительной мере на польскоязычных мемуарах, ее автор на протяжении всего исследования отличает взгляды литвинов от «короняжей» (с. 63).

Под «литвинами» он понимает «жителей бывшего Великого княжества Литовского, т. е. исторической Литвы (в XIX в. — Северо-Западного края Российской империи) —

одной из двух частей Речи Посполитой» (с. 23). И отмечает, что виленская атмосфера была намного ближе Булгарину, чем дух польской столицы. Жители двух городов выросли на разных традициях, у них был разный взгляд на литературу. После поражения Наполеона попытка Булгарина состояться в качестве литератора в Варшаве не удалась (литературная карьера Булгарина в Варшаве не сложилась). По своей идентичности он определенно являлся литвином, а не «короняжем» (с. 63). Вместе с тем П. Глушковский считает, что Булгарин попал в число тех спорных фигур, число которых умножается по мере развития национальных историографий Украины, Беларуси и Литвы (с. 88). Автор выступает против необоснованных попыток превращения его в белорусского национального героя. Такие попытки он усмотрел в утверждении А. Зимовского, что Булгарин «был первым белорусским писателем, предтечей и основателем белорусской журналистики» (с. 88). На наш взгляд, во-первых, некорректно выдавать статью Зимовского за мнение историка. Во-вторых, хотя автору этих строк весьма приятна мысль о возможности появления в белорусской историографии работ, творящих новых героев, однако в настоящее время она более схожа с булгаринскими утопиями. Можно утверждать, что П. Глушковский неглубоко знаком с процессами, характерными для современной белорусской исторической науки. Если в ней и прослеживается некая новая тенденция относительно национальных героев, то это тенденция их развенчания, сведения с «незаслуженно» занятого пьедестала. Наиболее характерна в этом смысле трансформация образа К. Калиновского: от романтической фигуры борца за народное счастье, чьи мысли и проникновенные слова накануне казни стали символом веры в будущую победу, до польского шляхтича, использовавшего антикрепостнические мотивы исключительно в демагогических целях.

П. Глушковский признает, что люди из окружения героя книги «порой называли его литвином или белорусом». Однако убеждает читателя, что называть Булгарина белорусом

не следует, так как в XIX в. это понятие имело другой смысл, обозначая не национальность, а территорию (с. 88). Безусловно, нации белорусов в то время не существовало. Но будем последовательны. Не существовало и нации литвинов или поляков. Понятие «нации» в XVIII — первой половине XIX в. было тесно связано с понятием государства и носило политический характер. В этом смысле Булгарина не следует называть и поляком. Что касается понятия «белорус», то на протяжении XIX в. медленно расширялась сфера его применения — от обозначения уроженцев Витебской и Могилевской губерний до жителей центральной и западной Беларуси. Именно этот феномен зафиксировали мемуаристы в 1830—40-е гг., высказываясь о Булгарине как о литвине, а в 1870-е гг. — как о белорусе. Последнее мнение принадлежит О. Пржецлавскому [5, с. 219]. Оно весьма ценно, так как автор являлся уроженцем Слонимского уезда Гродненской губернии и хорошо разбирался в особенностях местного восприятия «своих» и «чужих». Кроме того, Пржецлавский зарекомендовал себя как мемуарист чрезвычайно аккуратный, тщательно выверявший печатное слово [7, с. 22].

В стремлении обосновать несовместимость понятия «белорус» с личностью Булгарина П. Глушковский вступает на путь цитирования своего героя. Однако содержание цитат часто противоречит выводам автора монографии, который, в частности, пишет: «В рецензии на польскую книгу «Шляхтич Завальня, или Белоруссия в фантастических рассказах Яна Баршевского» Булгарин подчеркивал, что нельзя называть белорусскими писателями польских и русских авторов» (с. 89). Да, подчеркивал. Но при этом утверждал: «Белорусы имеют свое собственное наречие, которое некогда называлось *руським* (здесь и далее слова выделены Булгариным. — С. Л.) языком, и этим языком говорили по всей западной Руси и князя, и бояре, и шляхта, и крестьяне, и этот язык был письменный. Этим языком написаны Литовский статут и все акты В. Княжества Литовского (см. Белорусский архив, изд. Г. Григоровичем), на этом языке писали и стихами, и про-

зою, этим языком белорусские крестьяне, мещане и однодворцы говорят и поныне, распевают на нем свои народные песни. Польский язык водворился в Белоруссии только в XVII в. вместе с католицизмом и унией, при покорном слуге иезуитов польском короле Сигизмунде III, и все, что белорусские уроженцы написали по-польски, принадлежит не белорусской, но польской литературе» [3]. Разве эта цитата противоречит мнению о «белорусскости» Булгарина? Добавим, что в той же статье Фаддей Венедиктович демонстрирует прекрасное знание языка белорусов, считая «белорусизмы» неприемлемыми для русского литературного стиля: «Вы хотите знать, откуда взялось нововведение заменять *родительный падеж дательным*? Из белорусского языка! Белорусин не скажет: возле моего *дома*, но говорит: возле моего *дому*. Вместо: по опушке *леса*, белорусин говорит: по опушке *лесу*» [3].

П. Глушковский считает, что Булгарин весьма негативно отзывался о белорусском языке. И в подтверждение своих слов приводит очередную цитату: «Ужели суждено прекрасному, звучному, богатому языку снизойти на степень провинциального наречия, как язык белорусский!» (с. 90) Цитата взята из статьи, в которой Булгарин резко критикует как чрезмерные заимствования из французского языка — галлицизмы, так и искусственно созданные «русские» выражения. Например, Библиотека для чтения О. Сеньковского использовала слова *видопись* вместо *ландшафт* или *светопись* вместо *дагерротипа*. Публицист взывает к соблюдению правил грамматики, «вопиет» о недопустимости выражений «упал с мосту, вышел из лесу, купил часы (вместо часы)» [4]. Сравнение с языком белорусским, на наш взгляд, необходимо ему лишь для демонстрации того, что русский язык может превратиться из языка правительственных актов в провинциальное наречие, как это произошло в Великом Княжестве Литовском.

Вопрос же об идентичности шляхты ВКЛ в XIX в. в исторической науке не новый. В целом он решен обозначением этой идентичности как многоуровневой. В первую очередь

сошлемся на авторитетное мнение Ю. Бардаха [1], работы которого неоднократно цитирует П. Глушковский. Вместе с тем последний считает неприемлемой точку зрения А. Федуты, назвавшего Булгарина белорусом, «на том основании, что тот сам в переписке несколько раз называл себя литвином и литовцем, при этом (возможно, в тексте пропущено «не отрицая» или «не исключая». — С. Л.) польской и имперской идентичности Булгарина» (с. 89). К каким же выводам относительно идентичности своего героя приходит сам П. Глушковский? Представим его мнение без купюр: «Итак, можно говорить о многоуровневой идентичности Булгарина: польско-литвинской и имперской, которая в свою очередь включала элементы лифляндской, славянской и русской. Его «идеальное отчество» — Петербург, лифляндское Карлово, Литва, Царство Польское. Лифляндские немцы были ему намного ближе, чем москвичи. Булгарину не свойственна белорусская идентичность, которая в то время даже не начала формироваться» (с. 90). Вам удалось прояснить для себя, что имел в виду автор? Нам нет. Тем более, что его выводы противоречат тексту монографии.

На страницах книги П. Глушковский отмечает, что Булгарин с течением времени все больше привязывался к приобретенному им имени Карлово, называл его «своей норой», а Дерпт «своим городом» (с. 86). Вместе с тем, автор утверждает: для местного остзейского дворянства Булгарин оставался чужаком (с. 88). Нет на страницах монографии и доказательств того, что Булгарин считал дерптских дворян «своими». На наш взгляд, П. Глушковскому не удалось раскрыть «элементы» лифляндской идентичности своего героя.

Включение в идентичность Булгарина «элементов славянских и русских» (с. 90) нам представляется неким мудрствованием, которое скорее затемняет, а не проясняет сущность вопроса. Многочисленные тексты литератора свидетельствуют, что он считал себя славянином. Обозначенная автором польско-литвинская идентичность Булгарина, на наш взгляд, эту позицию включает и даже подра-

зумевает. Развивать мысль о «русских элементах» не позволяет содержание монографии, где говорится, что Булгарин «не желал жить на этнически русских землях», Москва и ее жители не вызвали у него интереса и симпатии, а быть русским «для него означало писать нравственно полезные книги на русском языке, прославлять царя, помогать расширять территорию Российской империи и улучшать в ней жизнь» (с. 69, 74).

Итак, вернемся к выводам П. Глушковского, касающихся идентичности его героя. Если очистить их от малоубедительных «элементов», то идентичность Булгарина определяется автором как польско-литвинская и имперская, что, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Не ясно лишь, что в этом взгляде нового относительно точки зрения, десятилетием ранее высказанной А. Федуты. Лишь то, что последний представляет Булгарина современному белорусскому читателю в качестве земляка? [6, с. 7].

Таким образом, в выводах автора нам не хватило ясности и последовательности. И еще об одном. Личность Ф. В. Булгарина незаурядна. Он был талантлив, смел, независим, при этом резок и самолюбив. Обладал прекрасным навыком подстраиваться под обстоятельства и одновременно подстраивать их под себя. Несомненный успех редактора «Северной пчелы» сочетался со скандальной славой доносчика III-го Отделения. Своей жизнью Фаддей Венедиктович дал высокий образец мужской дружбы, сохранив преданность товарищу даже после его смерти. На протяжении десятков (!) лет он столь часто цитировал «Горе от ума» А. С. Грибоедова, что буквально «заставил» публику полюбить автора пьесы, исключив саму возможность существования в российском обществе образованного человека без знания грибоедовских строк. Вместе с тем Булгарин нажил такое количество врагов, что по этому «показателю», возможно, лидировал среди современников. Его любили и ненавидели, ценили и презирали. Им откровенно брезговали. При жизни, да и после смерти, Булгарин вызывал самые противоречивые эмоции, никого не оставляя равнодушным.

В работе П. Глушковского нам не хватило отражения той напряженной обстановки, буквально накала страстей, которые бушевали вокруг его героя. Автор столь спокойно и размеренно ведет свое повествование, что нам остается лишь восхититься проявленной им выдержкой. Способствует ли это спокойствию пониманию личности героя? На этот вопрос каждый ответит по-своему, раскрыв монографию польского исследователя. Над ее страницами белорусский читатель сможет задуматься о том, близко ли мировоззрение Фаддея Булгарина белорусской культуре, легко ли было «проклонуться» белорусской идентичности в XIX в., каким образом безызвестному шляхтичу удалось возглавить издание, ставшее рупором российской правительственной политики. Большое спасибо автору, что такая возможность у нас появилась.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бардах Ю. Шматузроўнёвая нацыянальная свядомасць на літоўска-беларускіх землях Рэчы Паспалітай ў XVII—XX ст. // Штудыі з гісто-

рыі Вялікага Княства Літоўскага / пер. з польск. М. Раманоўскага, пер. з фр. А. Істоміна ; уклад. Г. Сагановіч. 2-е выд. Мінск : Медыясонт, 2010. С. 289—308.

2. Булгарин Ф. В. Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке (1824). URL: <http://lib.rus.ec/b/189159/read> (дата обращения 25.09.2013).

3. Булгарин Ф. В. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1844. № 280.

4. Булгарин Ф. В. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1846. № 10.

5. Пшацлаўскі В. Калейдаскоп успамінаў : у 2 т. / уклад., прад., камент. і імён. паказ. Аляксандр Фядута ; навук. рэд. камент. Абрам Рэйтблат. Мінск : Лімарыус, 2012. Т. 2. 368 с.

6. Фядута А. Перамога і параза здаровага сэнсу, або Вяртанне Булгарына / Булгарын Ф. Выбранае / уклад., прадм., камент. А. Фядуты. Мінск : Бел. кнігазбор, 2003. С. 5—42.

7. Фядута А. Восіп Пшацлаўскі і яго ўспаміны / Пшацлаўскі В. Калейдаскоп успамінаў : у 2 т. / уклад., прад., камент. і імён. паказ. А. Фядута ; навук. рэд. камент. А. Рэйтблат. Мінск : Лімарыус, 2012. Т. 1. С. 5—24.

С. Л. Луговцова, доцент кафедры истории России БГУ, кандидат исторических наук